

С. П. ОБНОРСКИЙ

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

В

СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВЫПУСК 2

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Ленинград

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

С. П. ОБНОРСКИЙ

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ
В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВЫПУСК 2

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1931

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
26 ноября 1931 г.

Непременный Секретарь академии *В. Волгин*

Редактор издания академик Н. С. Державин

Технический редактор Л. С. Ляпунова. Ученый корректор Г. И. Кузнецова

Начато набором в марте 1931 г. — Подписано к печати 26 ноября 1931 г.

VI — 410 стр. — 26 $\frac{4}{8}$ печ. л. — 32 тыс. печ. зн. — Тираж 650

Ленинградский Областлит № 8446. — Заказ № 83.

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий 2-й выпуск исследования «Именное склонение в современном русском языке» печатается без существенных изменений в том виде, в каком работа была представлена в рукописи еще в 1926 году. Необходимость сохранить преемственность с 1-м выпуском труда (напечатан в 1927 году в Сб. ОРЯС, т. 100, № 3) препятствовала какой бы то ни было коренной ревизии настоящей второй его части. Не представилось возможным в частности расширение материальной базы исследования за счет использования данных современной в собственном смысле литературной речи: включение в оборот исследования и трактовка этого материала создали бы неминуемый разнобой настоящего выпуска с ранее выпущенной первой половиной труда. В настоящий 2-й выпуск оказалось возможным включить лишь диалектологических данных, обнаруженных за последние годы. В результате исследование в целом должно отображать явления именной морфологии современного русского языка в широком понимании понятия «современности». Современный русский язык в собственном смысле, язык революционной поры, обнаруживает сильные сдвиги во всех его сторонах, более заметные в лексике и стиле, но ощутимые и в морфологической области, и в синтаксисе, и даже в чисто фонетической стороне речи. Но понятно, что научное оправдание этих сдвигов было бы достигнуто лишь в условиях сравнения, как противостоящих величин, систем предреволюционной и революционной речи. Автор надеется, что настоящий труд, подводящий итоги нашим знаниям об именной русской морфологии предреволюционной поры, послужит

необходимой базой, долженствующей облегчать изучение морфологической системы современного русского языка в собственном смысле.

В заключение считаю долгом выразить глубокую признательность Академии Наук в лице ее Отделения общественных наук, обеспечившего в общих трудных условиях печатания издание настоящего выпуска исследования.

С. Обнорский

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТР.

Предисловие V

Именительный падеж 1—149

Именительный мн. на *-а* от существительных муж. рода (1—54). Им. мн. на *-а* от имен существительных а) односложных (3—28), б) двусложных и многосложных (28—36), в) от заимствованных слов (36—46). Расширение на графической почве форм им. мн. на *-а* (47—48). Происхождение форм им. мн. на *-а* (48—54). Им. мн. на *-а* от существительных ж. рода (54—61). Им. мн. на *-ья* (61—99). Им. мн. на *-ья* от одушевленных имен существительных муж. рода (62—70). Им. мн. на *-ья* от имен существительных с старыми основами на **-ъ* (71—72). Им. мн. на *-ове* (*-еве*), *-ова* (*-ева*), *овя* (72—75). Им. мн. на *-овья* (*-евья*) (75—79). Им. мн. на *-ья* от неодушевленных имен существительных муж. рода (79—89). Им. мн. на *-ья* от имен существительных ср. рода (89—93). Им. мн. на *-ья* от имен существительных ж. рода (93—97). Им. мн. на *-ья* от заимствованных слов (97—98). Общие выводы о происхождении и развитии им. мн. на *-ья* (98—99). Им. мн. на *-и а)* от существительных Iа типа (муж. рода) (99—105), б) от существительных IIIа типа (ж. рода) (105—106). Остатки старых форм им. мн. на *-ъ* (106—108). Остатки старых форм им. мн. на *-е* (108). Им. мн. на *-ы*, *-и* от существительных ср. рода (108—129). Им. мн. от имен существительных на *-ин* (129—140). Множ. число от имен существительных на *-енок* (140—147). Им. мн. от старых основ на **-en*, **-ent* (148—149).

Родительный падеж 149—303

Родительный мн. без флексии от существительных Iа и Iб типа (муж. рода) (152—177). Диалектические формы род. мн. на *-ей* от существительных Iа типа (177—182). Род. мн. на *-ей* от существительных ср. рода (185—185). Род. мн. на *-ей* от существительных III типа (ж. рода) (185—211). Род. мн. от имен существительных на *-ня* (211—217). Род. мн. без флексии от существительных IV типа (ж. рода) (217—221). Род. мн. на *-ое*, *-ев а)* от существительных Iб типа

(222—234), б) от существительных III типа (234—250), в) от существительных ср. рода (250—274), г) от существительных, оканчивающихся в им. мн. на -аа (275—289). Диалектические формы род. мн. на -аа (289—291). Диалектические формы род. мн. на -от (289—291). Формы род. мн. от существительных с старыми основами на согласные (291—298). «Беглые» с, е в формах род. мн. (298—303).

Дательный, творительный, местный падеж 304—373

Архаические формы дат. мн. на -ом (304—305). Диалектические формы дат.-м. мн. на -ѣм, -ѣх (306—315). Диалектические формы дат. мн. на -ми и тв. мн. на -м (315—334). Диалектические формы тв. мн. на -ма, -ими (вместо -ами), -ми (334—349). Архаические формы тв. мн. на -ы (349—352). Тв. мн. на -ыми и -ами у существительных IV типа (352—356). Тв. мн. на -ми у существительных I и III типа (356—363). Архаические формы м. мн. на -нах (-ехъ) (363—370). Диалектические формы м. мн. на -аѣ (371—372). М. мн. от существительных с старыми основами на согласные (372—373).

Приложение 374—404

Особенности ударения во множ. числе (374—403). Множ. число от существительных с старыми основами на -ез (403—404).

Заключительные положения 405—411

Именительный падеж

Флексия именительного падежа мн. числа была в старом языке особенно разнообразна. У основ на *-о окончанием служило *-и*, у тех же основ в среднем роде *-а*, далее окончаниями именительного падежа были: *-ове* у основ на *-и, *-ије* (*-иѣ*) у основ на *-і муж. рода, *-и* у тех же основ в ж. роде, *-ы* и *-ѣ* у основ на *-а — первое окончание в твердом, второе — в мягком различии, наконец, в основах на согласную у имен ср. рода окончанием служило *-а*, у прочих существительных *-е*. В течение исторической жизни русского языка произошло общее вытеснение во мн. числе окончаний именительного падежа окончаниями винительного падежа. Побуждение к этому последнему морфологическому процессу лежало в одинаковости флексии в именительном и в винительном падежах в ряде численно особенно богатых именных категорий, напр. у основ на *-а (*жены*, *земль*), в именах ж. рода на *-і (*кости*), наконец, у всех существительных ср. рода (*села*, *имена* и проч.). В результате этого перенесения в именительный падеж окончаний винительного падежа произошло некоторое упрощение в системе флексии именительной формы. Именно, у основ на *-о, *-и, *-а оказалось одинаковое окончание *-ы* (*рабы*, *волы*, *жены*), у имен на *-іо муж. рода и на *-ја — окончание *-ѣ*, позднее по аналогии с твердым различием заменявшееся через *-и* (*конѣ*, *земли*), в среднем роде по прежнему флексия сохранялась в виде *-а* (*села*, *поля*), во всех же прочих существительных окончанием

оказалось *-и* (*юсти, кости*). Сказанное в существенных чертах определяет основную, сложившуюся из старой системы склонения, флексию именительной формы в современном языке: в I типе *-ы, -и* (*рабы, кони, волки*), во II типе *-а* (*села, поля*), в III типе *-ы, -и* (*жены, земли, руки*), в IV типе *-и* (*кости*), в прочих разновидностях либо *-и* — в словах муж. и ж. рода (*пути, дочери*), либо *-а* у существительных ср. рода (*имена, чудеса, козлята*). Фактически, однако, современный язык характеризуется не только приведенной системой окончаний, оправдывающейся из старых норм языка, но содержит, кроме того, в I типе и диалектически в III и IV типе новые образования на *-á*, в разных типах формы на *-ья* (*-ја*), наконец, ряд иных разновидностей падежной формы, отчасти как сохранившиеся остатки древнейшей системы склонения, отчасти как новые продукты морфологической эволюции языка.

Наиболее важным, имея в виду широту распространения соответственных форм, и вместе с тем наиболее трудным для разрешения и сложным вопросом во флексии именительного мн. служит вопрос об образовании форм на *-á*. Собственно, общее происхождение этих форм с точки зрения истории языка не вызывает сомнений. Происхождение этих форм в единоголосном освещении историков языка (напр. Соболев 218, Шахм. Оч. совр. рус. лит. яз. 110, Дурново Оч. II, 50 — 51, и др.) связывается с заменой старых окончаний им. мн. *-ы, -и* (т. е. по происхождению вин. мн.) из формы им.-вин. двойственного числа тех же основ на **-о*. В качестве сопутствующих факторов, закреплявших окончание двойственной формы *-а* в новой функции, относявшейся к обозначению множественности, служили старые собирательные на *-а* (напр. *господа, сторожа, братья*), с которыми, между прочим, согласуемые слова обычно в старом языке употреблялись не в единственном, а во множественном числе, и которые позднее перешли из категории имен собирательных в категорию существительных с чистым значением множественности (ср. современные *господá, сторожá, братъя*, как формы им. мн.

числа).¹ Это общее разрешение вопроса о возникновении новых форм на *-а* представляется, однако, недостаточным. Оно было бы достаточным, если бы эти новообразования на *-а* составляли выдержанный тип в именном склонении, если бы они принадлежали цельной категории имен существительных. Фактически, однако, новые формы на *-а* принадлежат не цельной категории имен с старыми основами на **-о*, а лишь ее части, в другой же ее части продолжают сохраняться старые окончания (по происхождению вин. мн.) *-ы*, *-и*. Вообще картина употребления в современном русском языке форм на *-й* очень пестрая. В народном языке употребление их шире, чем в литературном языке; впрочем, и в диалектах употребление этих форм весьма неровное, напр. в южновеликорусском наблюдается в одних говорах употребление форм более широкое, чем в литературном языке, в других говорах, наоборот, замечается стремление к преимущественному употреблению старых форм на *-ы*, *-и*, в параллель к соответственным литературным формам на *-а*. В самом литературном языке формы на *-а* сравнительно поздни по происхождению. Судя по памятникам письменности, они идут всего лишь с конца XV, даже с XVI века (см. Соболев., Шахм., Дурново, назв. соч.), при чем выступают крайне редко до самого XIX века. Ср. напр., единичную форму *города* из Домостроя (по си. XVI в. Общ. Ист. и Др. Росс.), единичную же форму *леса* из Уложения

¹ Н. Н. Дурново (Очерк ист. рус. яз. 282—3) выставляет еще в качестве факторов, содействовавших закреплению в языке данных форм на *-а*, два обстоятельства: 1) влияние окончания им. мн. *-а* у имен ср. рода, 2) возможность образования на фонетической почве форм на *-а* от слов типа *учитель, писарь*, звучавших в им. мн. *учителей, писарей*, откуда с перенесением ударения на окончание — *учителѣя, писарѣя* (ср. переход *е* в *емя*, *меня*). Однако, последние слова, как венародные, вряд ли могли получить значение воздействующей категории на иные группы слов; кроме того, приведенные формы типа *учитель, писарь* очень рано были заменены новообразованиями на *-и* (по основам на **-о*). Что касается влияния форм ср. рода на *-а*, то оно теоретически и лишь в диалектическом масштабе возможно, хотя неоны оставались бы при этом предположении ближайшей причины такового влияния. Ср. в южновеликорусских говорах, утрачивающих средний род, совпадение последнего с женскими, но не с мужским родом.

Ал. Мих. (VII, 23). У Кантемира находятся лишь им. мн. *глаза, леса, берега, края, рога*, и рядом — *краи, роги, города, веки, учителя* и др. (РФВ. 69, 53 и 59). Ломоносов в своей грамматике (§§ 152, 195) говорит о формах, употребительных лишь с окончанием *-а*, только для трех слов — *рог, бок, глаз* (им. мн. *рога́, бока́, глаза́*), в большинстве прочих имен существительных в его время возможно было двойное употребление форм — на *-ы, -и* и на *-а*, напр. *бе́рет и берега́, лу́и и луи́а, ле́сы и леса́, остро́вы и острова́, сне́ги и снега́, стру́и и струи́а, ко́локолы и колокола́*, или же — только образования на *-ы, -и*: *со́колы, по́воды, я́кори*. От Ломоносовской грамматики до Востоковской прошло 75 лет. За этот период времени формы на *-а* сделали значительные завоевания. Востоков дает уже целый перечень слов (около 70), могущих принимать рядом с окончанием *-ы, -и* также *-а*, или принимающих только одно окончание *-а*. Характерно, что в этом перечне около половины примеров падает на заимствованные слова. Этот факт свидетельствует о сильном морфологизирующем значении окончания *-а*, как окончания для именительного мн. туземных, русских слов; только это предположение делает понятной широкую воздействующую силу данных форм на *-а* на категорию заимствованных слов. При всем том, однако, и в перечне Востокова содержится большое число колеблющихся форм имен существительных — и на *-ы, -и*, и на *-а*, часть из которых для фазы современной речи уже не существует в виде форм колеблющихся. Ср. у Востокова — *до́мы и дома́, ро́ги и рога́, сне́ги и снега́, ве́ки и века́, ве́черы и вечера́, по́вары и повара́, отку́пы и откупá, по́ясы и пояса́, по́трохи и потроха́*; в современном языке возможны уже лишь варианты форм от этих слов с окончанием *-а* (современное «в кои веки» — архаическая форма церковнославянского происхождения). Востоков закрепил в своей грамматике нормы Пушкинской речи. И действительно, согласно Востокову, Пушкин дает параллельные формы *ро́ги* и *рога́, сне́ги* и *снега́, ко́ды* и *кода́, до́мы* и *дома́*, а в ряде слов употребляет только образования на *-а*: *берега́, леса́, острова́* и др.

Но Пушкин и несколько далее двинулся от норм Востоковской грамматики: он дает не только форму им. мн. *тробы*, согласную с нормой Востокова, но также и *троба*, не только *волосы*, но и *волоса*, и без колебания употребляет формы на *-а* в случаях — *паруса*, *мастера* (Будав. Оч. 92). Мы имеем перечень слов, образующих форму им. мн. на *-а*, и для современной стадии литературной речи, т. е. отделяющейся от эпохи Востокова-Пушкина промежутком в 80 лет. Таковы два свода соответственного материала, имеющиеся с одной стороны у Чернышева (см. его Прав. и чист. 52—68), с другой стороны в статье L. Beaulieux «L'extension du pluriel masculin en *-а*, *-я* en russe moderne» (Mém. de la Soc. de Linguistique de Paris, 1913, т. XIII, 3, 201—218): они обнимают уже — первый около 150, второй — 200 слов, при чем и здесь и там лишь половиною перечней составляют слова русские по происхождению, все же остальные данные с формами на *-а* падают на слова заимствованные. Таким образом, от Ломоносова до Востокова, от Востокова до нашего времени, и в наши дни, идет очевидный рост форм на *-а* за счет старых форм на *-ы*, *-и*, или окончательное возобладание форм на *-а* над старым колебанием форм на *-ы*, *-и* и на *-а*. К этой картине общего распространения и роста форм на *-а* в великорусском и в литературном русском языке следует прибавить, что вообще данные формы, как известно, являются типическою принадлежностью именно великорусского наречия. Ни белорусский, ни украинский язык их не знает. Если диалектически в украинском они и встречаются, то в совершенно единичных фактах. Ср. диал. укр. *вуса* (с перенесенным ударением из первоначальной формы **вусá*, т. е. из формы им.-вия. дв. числа от *усъ*), *рукава*, *повода* (Собол. 218; Шахм. III, 503; Ztschr. für sl. Ph. II, 62), также угор. *пёрста* (Верхр. Знад. I. 65).¹

В литературе предмета вопрос о происхождении форм на *-а* и их соотношении с формами на *-ы*, *-и* имеет единственного

¹ Формы *алба*, *городá* у Шевченко (*алба* зійшли II, 11; *пазіють села, городá* II, 73) должны считаться великоруссизмами.

исследователя в лице А. А. Шахматова.¹ К сожалению, мысли его по данному вопросу не получили окончательной формы, не имеются в совершенном, печатном виде. Они содержатся именно в литографированных курсах его по истории русского языка (III, 502 и сл.), также в Очерке совр. рус. лит. яз. (изд. 1925 г. стр. 107 и сл.), — в курсах, читанных приблизительно в одно время (1910-ые годы). Действительно, содержание соответственных глав и в Курсе и в Очерке очень близко одно к другому. А. А. Шахматов связывает общее происхождение форм на *-а* с утратой именами на **-о* категории двойственности. Однако, двойственные формы им.-вин. на *-а* от слов с неподвижным (как на основе, так и на окончании) ударением бесследно исчезли, совпав с формой родительного ед. числа и функционально слившись с нею. И только формы им.-вин. дв. на *-а́* от слов с подвижным типом ударения, утратив значение двойственности, получили новую функцию множественности и стали новыми формами именительного мн. на *-а́*. Теоретически все слова с подвижным ударением должны давать формы им. мн. на *-а́*. Фактически имеются ряды соответственных слов, представляющих в им. мн. формы на *-ы*, *-и*, при том и с ударением на основе, и с ударением на окончании. Первые случаи отклонений (формы на неударяемые *-ы*, *-и*) объясняются как церковнославянизмы (напр. *гробы*, *гро́мы*, *дб́лы*, *дб́мы* и т. д.) или как формы, происшедшие из старых винительных мн. на *-ы*, но с сохранением места ударения из старейших форм им. мн. на *-и* (*во́лки*, *бо́и*, *бе́сы*, *тру́сы* и др., *во́лосы*, *зу́бы* и пр.). Вторые случаи отступлений (формы им. мн. на ударяемые *-ы́*, *-и́*) объясняются из значений ряда имен существительных, не допускавших употребления в двойственном числе (*меды́*, *чай*, *шелки́* и т. д.), или из книжного происхождения

¹ Данная тема, между прочим, была предметом интересов А. А. Шахматова с самой ранней поры его научной деятельности: на эту тему была им читана пробная лекция на звание приват-доцента Московского Университета в 1891 году. К сожалению, следов от этого чтения А. А. Шахматова не сохранилось.

некоторых слов (*шканы, балы, паны, рай, слои*), или, наконец, из предположения отражения в данном ударяемом -ы старого окончания им.-вин. дв. числа от основ на *-и (*сады, чины, мирь, пирь, дары, валы, боры, станы, верхи, низы, зады*). Изложенная система А. А. Шахматова, рисуемая цельным, красивым и стройным в своих частях научным построением, на которые таким великим мастером был покойный ученый,¹ имеет большое значение по главному принципу, положенному в основание объяснения интересующих форм. Этот принцип — учет акцентологического момента, сыгравшего необходимую свою роль в образовании данных форм. Впрочем, соответственные мысли мельком были выражены и ранее, именно проф. Кульбакиным в его «Заметках» (Изв. 1906, 4, 253 и сл.). Однако, при ближайшем рассмотрении предложенного объяснения Шахматова рождается ряд вопросов. Так, в числе приводимых Шахматовым слов, как слов с неподвижным типом ударения и образующих соответственно форму им. мн. на -ы, оказываются некоторые примеры такие, от которых известно образование местного ед. на -у, т. е. относительно них следует думать, что эти имена существительные были подвижного типа в отношении ударения. Ср. при им. мн. *столбы, посты, дворы, суды* и др. отмеченные выше, отчасти литературные, отчасти диалектические формы м. ед. *столбу, посту, двору, суду*. Можно далее было бы оспаривать значение семасиологического момента как начала, противоборствовавшего проникновению флексии -а, в ряде слов, как *весы, переды* и др. В отношении группы отклонений, как *сады* и т. д., в которых усматривается отражение старой формы вин. мн. основ на *-и, следует заметить, что фактически о многих словах этой группы нет иных подтверждающих данных для предположения об исконной принадлежности этих слов к категории имен на *-и, и т. д. Главное же затруднение в принятии полностью объяснения А. А. Шахматова заключается в недостаточности материала, на

¹ Ср. по поводу этого построения А. А. Шахматова общую заметку Л. В. Щербы в Сборнике памяти Шахматова (Изв. XXV, 96 и сл.).

основе которого построена вся система. Этот материал недостаточен, во первых, количественно, во-вторых, потому, что он относится лишь к данным литературного языка. Между тем, конечно, цельное построение системы и объяснение данных форм должно опираться на фактический материал, относящийся ко всему великорусскому языку в его целом, и, прежде всего, должны быть учтены соответственные свидетельства диалектов. В предлагаемом ниже соответственном материале имен существительных, от которых образуются формы им. мн. на -а́, выделяются односложные имена от многосложных, равным образом особо указываются категории заимствованных слов.

Односложные имена существительные — им. мн. на -а́.

1. *Берег* (серб. брѣг): *брега* Кантем. Разн. ст. IV, 187; Финского залива *берега* описывал Ломон. IV, 346 (ср. у него же *бреи* I, 150, *береи* II, 378, 379); *берега*, о *берега* Радищ. I, 59. II, 388, Бат., Пушкин, Тург., Чех.; — во зты *берега* Петроз. (Барс. I, 92) Тотем. (Брок 120) Руз. (Дурново 125); ср. *берега* и *береи* Черепов. (Ерем. 30); ср. *береи* Новгор. (Сол. 9) вы крутые *береи*! Духовщ. (Шейн I, 213) *биряи* Брян. (Тр. МДК. III, 161) Трубоч. (ib. X, 112) *бѣреи* Бежецк. (Еремиц. 39) Енис. (Селищ. 84); — ср. *бережкѣ* Кадник. (Ж. С. V, 1, 88) Белоз. (Бр. Сокол. 463) Черепов. (Э. О. 1897, 2, 107) Казан. г. (ib. 1907, 1—2, 124) Брян. (Будде 82) Малоарх. (Кир. X, 214) Минус. и Канск. (Ж. С. XIII, 3, 326). — 2. *Бой* (серб. бѣј бѣја): *боѣ* (Слов. Акад.), — Перм. (С. Обнорский). — 3. *Бока* (серб. бѣк бѣка): дорога замучила мои *бока*. Радищ. I, 53; подпершись в *бока*, ругнули на все *бока*. Гог. Сороч. ярм. I, V, Веч. нак. Ив. Куп., Лейк., Дост., — ср. подпершись обеими руками в *боки* Гог. ib., подпер *боки* руками Одоевск. Необ. дом, подпер руки в *боки* Лейк. После спект., я даже *боки* рвал со смеху Купр. Олеся; — *бока* Руз. (Дурново); ср. *бока* и *боки* Черепов. (Ерем. 30) Курск. г. (Хал. 13); ср. *боки* Каргоп. (Рыбн. III, 194) Лифл. г. (РФВ. 64, 307) Трубоч. (Тр. МДК. X, 112) Дон. (Савел. 126), *баки* и *бакѣ* Псков. р. (ИРЯС III, 590), на оба *баки*, на *баки* Смол. (Добров. 35) *баки* иному забили Ворон. (Дикар. 72); — ср.

да ён по боци кладет палицу военную Петроз. (Гильф. 590); — ср. *бочка* те у тура да рыта бархату Каргоп. (ib. 1327). — 4. *Боръ* (серб. ббр ббра): *бора* Шенк. (Манс. 109) Пуд. (id. 157) Жиздр. (РФВ. 48, 323); — ср. *бары* Ельнин. (Тр. МДК. V, 18). — 5. *Боровъ* (серб. брав): кормные *борова* Радищ. II, 256; — *борова* Устюж. (пр. 28) Великол. (Шейн I, 302). — 6. *Бродъ* (серб. брѣда брѣда): ср. *брѣда* и *брѣды* Костр. (Виногр. 70); — ср. *брады* Мещов. (Черныш. 148) Судж. (Резан. 249). — 7. *Бызъ* (серб. бѣјег): *бег* общелит. (Черныш. 51). — 8. *Вередъ* (серб. врѣјед): *веред* у меня на спине садятся. Лейк. В тракт.; — *веред*а Никол. (Манс. 213). — 9. *Върхъ* (серб. врѣх врѣх): один (из певчих) *верха* берет Лейк. Похор., оглядывали *верха* (церкви) Шмелев, Лихор.; — со хором *верха* сорывали Данков. (Кир. X, 4); — ср. *верьхи* дерев Ломон. I, 5, на *верхи* воез Акс. Сем. хр. 18, берез озябнувших *верхи* Н. Мешков, Ночь ледох.; — *верхи* бы (теремов) со верхамы совивались Онеж. (Гильф. 174) Кирил. (Бр. Сокол. 260) Звенигор. (Кир. X, 4). — 10. *Возъ* (серб. вѣз вѣза): на *воза* Радищ. Пис. о кит. т., Болот. Зап. IV, 10, Акс. Дет. г. 272, Л. Тлст. В. и м. III, ч. II, гл. 4, М. Горьк. Женшина, Телешов, Косцы; — под *воза* Кем. (Опчук. Ск. 153) Черешов. (Смири. I, 326) Котельн. (Зел. Ск. 153, 232) Уржум. (ib. 363) Екатериноб. (ib. 191, 351) Казан. (Будде, Сб. Форт. 179) Перм. (С. Обнорекский) Руз. (Дурново) Ряз. г. (РФВ. 28, 24) Ворон. г. (Филат. 178) Верхнеуд. (сем. говв., Селищ. Заб. ст. 68); — ср. те сносили на *возы* мешки с провиантом Гог. Тар. Б. IV. — 11. *Волокъ* (серб. влѣк): *волока* Вятск! г. (Васнец.) Кашин. (рлуг., *волока*, *волок* == роспуски, дороги, Смири. 18). — 12. *Волосъ* (серб. влѣс): златые стелешь ли *власа* Капн. Гимн к солнцу, *волоса* Жук. Ахилл, *волоса* и *волосы* (*власы*) Бат., Пушки., Гог., Гонч., растрепанны *власы* Су аря. Агнеса (VIII, 8), *волосы* Лейк. Аур. VII, Тург. Руд. I; — *оса* Повен. (Гильф. 68, 126) Ляфл. г. (Бобров 392) Моск. (Сб. II. 1. 75, 2, 41) Еногаев. (МАН. 10) Медын. (пр. 263) Мещов. (Черныш. 148) Зарайск. (Петр. 10) Обоин. (Резан. Матер. 37) Судж. (Резан. 246), ср. *волоса* и *волосы* Шенк. (Манс. 109) Петроз. (Барс. I, 150, Гильф. 852) Костр. (за *волосы*, пр. 264; *волосы*

и *волоса*, Виногр. 71) Руз. (Дурново) Цивил. (пр. 143), ср. *волосы* Пуд. (Гильф. 365) Кашин. (за *волосы*, Смирн. 19) Новосил. (пр. 77) Орл.-Вят. (пр. 37) Великол. (пр. 45) Холи. (Тр. МДК. III, 54) Мокш. (пр. 232, 1) Кубан. (Ж. С. XIII, 3, 359), *волосы* Ельнин. (Тр. МДК. X, 60) Чембар. (пр. 232, 1). — 13. *Воронъ* (серб. врѣн): *воронá* Пуд. (Манс. 157). — 14. *Воротъ* (серб. врѣт): отрепались *воротá* рубашек Бун. Дер. III. — 15. *Ворохъ*: *ворохá* хлеба Гл. Усп. 258, Лейк. В лавке, М. Горьк. Ярм. в. Г.; — *ворохá* Шадр. (С. Обнорский) Руз. (Дурново); — ср. *ворохы* Жмадр. (Ник.). — 16. *Воскъ* (серб. вѣсак вѣска): *меды* вздешевели, а *воскá* в цене держатся Ростов. (Волоцк. 10). — 17. *Вѣкъ* (серб. вѣјек): ср. *века* и *веки* Бат., Гог., Лери.; *веки* Кантем. (3 сл.), Ломон. (5 сл.), Держ. На нов. 1790, Бат. Нечто о поэте, Крыл. Пр. и река, Барат. Пиры, Некр. I, 232; — и я на *векѣ* с ним, горюшица, прошалася Петроз. (Барс. II, 65). — 18. *Вѣсъ* (серб. вѣјес): *весá* (инструмент) Костр. г. (Еремин, 7) Сарапул. и Охан. (С. Обнорский) Моск. (Черныш. 23). — 19. *Вѣтръ* (серб. вѣјтар): *зетра*, дожди, жары и холода Барат. Посл. смерть; — *ветрá* Пуд. (Манс. 154) Никол. (id. 213) Заонеж. (Барс. II, 329) Яросл. (РФВ. 24, 39) Казан. г. (дер. Белая, ib. 71, 8) вы сповейте *ветра* буйные Судогод. (Э. О. 1911, 3—4, 192) Шадр. (С. Обнорский) Касин. (пр. 111, а) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12) падымались буйны *витярá* Шигр. (РФВ. 4, 106); — ср. *ветрá* и *ветры* Костр. (Виногр. 71); ср. *ветрá* и *ветры* Устюж. (пр. 28). — 20. *Глазъ*: *лаза* Кантем., Бат., Тург., Гонч.; — *лазá* Тотем. (Брок 120) Кадник. (пр. 25) Вытег. (пр. 22) Макал. (пр. 56) Яран. (пр. 59) Руз. (Дурново) Цивил. (пр. 143) Жмадр. (Ник.) Боровск. (Тр. МДК. X, 71) Малояросл. (ib. 41) Медын. (ib. 78) Белев. (ib. 64) Ефрем. (ib. 67) Сапожк. (ib. 55) Белгор. (ib. 76) Судж. (Резан. 246);¹ — ср. *лазá* и *лазы* Черепов. (Ерем. 30); — ср. зобъ полонъ, а *лазы* голодны Посл. XVII в. (Сям. 1099), ясные *лазы* не светлы Чулк. I, 210, а *лазы* у ней такие сердитые Чех. В овраге V, — а *лазы* как ясного сокола Петроз. (Гильф. 624) Новгор. г. (Новг. Сб., IV, 2, 13)

¹ Ср.: *лаза* Каб. служ. 1689 г. (А. Кал. II, 38)